

Глава 14

«Как жаль», — подумал император Макинтош, почувствовав легкое сожаление.

Однако отказ от своего плана взять Фан Сииана под свое крыло был просто невозможен.

Император Макинтош проводил Ле Цзявэнь и Фан Сииана обратно в тренировочный лагерь, а затем немедленно отправил сообщения как командиру лагеря, так и своему самому доверенному подчиненному.

«Значит, он лоялен только Ле Цзявэнь?»

«Неважно. Человеком со слабостью гораздо легче управлять».

Даже после возвращения в общежитие Ле Цзявэнь все еще не мог понять причину вызова императора Макинтоша. После долгих раздумий он повернулся к Фан Сииану, который следовал за ним как тень, и спросил: «Почему, по-твоему, император Макинтош хотел нас видеть?»

Фан Сииан ответил с видом безразличия: «Когда придет время, ты сам поймешь. Император Макинтош — правитель Империи. Что бы он ни хотел от нас, мы не можем и не будем отказываться. Ему не нужно притворяться скромным или заставлять нас гадать о его намерениях. Тебе не нужно об этом беспокоиться».

Несмотря на эти слова, Ле Цзявэнь не мог успокоиться.

Он только что был в частной ложе с императором Макинтошем и даже обедал с ним!

Все еще возбужденный, он взглянул на Фан Сииана, который был совершенно спокоен и погружен в свои мысли. «Мы только что встретились с императором Макинтошем. Как ты можешь быть таким спокойным?» — настаивал Ле Цзявэнь.

Фан Сииан поднял глаза, чтобы встретиться взглядом с Ле Цзявэнь. «Какой реакции ты от меня ожидаешь?»

Ле Цзявэнь надул губы. «Ты даже немного не взволнован встречей с императором Макинтошем? Знаешь, не каждому выпадает шанс пообедать с ним».

Фан Сииан выглядел скучающим. «Какая разница, что такая возможность выпадает редко? Мне это даже не нужно. Но если бы ты поужинал со мной сегодня вечером, я был бы очень счастлив».

Ле Цзявэнь отвлекся. «Когда я не ужинал с тобой?»

Фан Сииан пробурчал: «Ты прекрасно знаешь, о чем я. Я говорю об ужине только для нас двоих».

Ле Цзявэнь притворился, что не понимает. «Это придется отложить до выходных. Столовая тренировочного лагеря переполнена — я никак не смогу исполнить твое желание».

Фан Сииан опустил глаза.

Как и ожидалось, авторитет Му Цин в сердце Ле Цзявэнь неуклонно рос.

Увидев, что Фан Сииан отвернулся и дуется, Ле Цзявэнь вздохнул и силой повернул его к себе. «Он травмирован и должен следить за питанием, но ему не хватает самодисциплины. Я просто присматриваю за ним несколько дней. Как только он поправится, я буду обедать только с тобой, ладно?»

Голос Фан Сииана был приглушенным. «Какое тебе дело до его недостатка самодисциплины? Ты ему ничего не должен. К счастью, это тренировочный лагерь — ты просто контролируешь его питание. А если бы это было где-то вне лагеря, ты бы для него готовил?»

Ле Цзявэнь отрезал: «Ни за что. Я не умею готовить. Если бы я попробовал, я бы его отравил, прежде чем он выздоровел».

Фан Сииан фыркнул. «Значит, если бы ты умел готовить, ты бы лично готовил ему еду. Я никогда не пробовал ничего из того, что ты приготовил».

Ле Цзявэнь: ?

Он не умел готовить, так, где же Фан Сииан мог попробовать его блюда?

Ле Цзявэнь потянул Фан Сииана за лицо и предупредил: «Сяо Сииань, ты не слишком ли неразумен? Когда я говорил, что буду лично готовить для него? Я просто признал свои плохие кулинарные навыки. Можешь перестать слишком много думать?»

Фан Сииан, лицо которого все еще было зажато, невнятно проворчал: «А теперь ты меня ругаешь».

Ле Цзявэнь был раздражен. «Когда я тебя ругал? Сяо Сииань, не выдвигай ложных обвинений».

Губы Фан Синиана опустились. «Мне все равно. Раньше, когда я ревновал, ты даже не замечал. Я был так расстроен, что сказал тебе, чтобы ты делал это более очевидным, а теперь, когда я так делаю, ты говоришь, что я неразумен. Очевидно, теперь я для тебя значу меньше. Кто знает, какое место Му Цин занимает в твоём сердце...»

Ле Цзявэнь, который собирался извиниться и утешить Фан Синиана, был прерван его последней фразой. «...Можешь перестать упоминать Му Цин в каждом предложении? В любом случае, теперь, когда я в тренировочном лагере, моя сделка с Му Цин закончилась. Могу тебе сказать — между нами действительно ничего нет».

Ле Цзявэнь затем рассказал подробности своей договорённости с Му Цин.

Фан Синиан помолчал, а затем сказал: «Неудивительно, что он «постоянно натёкался на меня». Я думал, что он провоцирует меня».

Ле Цзявэнь постучал себя по носу. «Ты и твоя ревность».

Убедившись, что Му Цин не является его соперником в любви, Фан Синиан полностью избавился от ревности. Затем он начал критиковать сделку Ле Цзявэнь: «Ты похож на полного слабака. Эта сделка была для тебя гарантированным проигрышем».

Ле Цзявэнь возразил: «Ну, я тогда не знал, что так быстро попаду в тренировочный лагерь».

Фан Синиан прямо сказал: «Даже если бы твое поступление задержалось на месяц или больше, как ты планировал, это все равно была бы проигрышная сделка».

Ле Цзявэнь возразил: «Как это проигрышная?»

Фан Синиан проанализировал: «Тебе нужно было только знать все мельчайшие детали обо мне в тренировочном лагере, но я бы все равно тебе все рассказал. Не было никакой причины привлекать постороннего человека и тем самым почти разрушить наши отношения».

«Это только потому, что ты слишком ревнивый! Никто другой не отреагировал бы так», — парировал Ле Цзявэнь. «Кроме того, когда ты мне когда-нибудь рассказывал все? Если бы тебя обидели или избили, ты бы мне рассказал?»

Фан Синиан ответил деловито: «Конечно. Ты брал у меня «деньги за защиту», когда мы были детьми. Кому еще я мог рассказать?»

При упоминании «денег за защиту» лицо Ле Цзявэнь покраснело, и он неловко сменил тему. «Я просто слишком переживал. Это не считается проигрышем».

Фан Синиан слегка приподнял уголки губ, прежде чем продолжить: «А что насчет остального? У тебя была одна простая просьба, но ты предложил Му Цин вознаграждение, в несколько раз превышающее ее — первоклассное медицинское оборудование, помощь в поступлении в тренировочный лагерь... Если бы я не был таким принципиальным, я бы сам заключил с тобой сделку».

Ле Цзявэнь уловил намек. «Ты что, просто защищал Му Цин?»

Фан Синиан невинно моргнул. «Правда? Я просто констатировал факт. Ты предложил ему чрезмерные награды».

Ле Цзявэнь не хотел спорить и вернул разговор в прежнее русло. «Он в плохих отношениях с семьей Му, но у него необычайный талант в медицине. Я не хотел, чтобы его потенциал был потрачен впустую из-за их давления».

Такова была его натура. Фан Синиан не мог излечить его от привычки помогать всем, поэтому он в отместку щелкнул Ле Цзявэнь по лбу, прежде чем встать. «Пойдем. Если нам повезет, мы еще успеем на последний раунд дневной физической подготовки».

Дневная сессия была посвящена физической подготовке. Интенсивность для административных сотрудников всегда была низкой, и к тому времени, когда Фан Синиан прибыл, их группа уже распалась.

Но, только что выйдя из общежития, он не хотел так скоро возвращаться. Он нашел тенистое место под деревом и сел там, погружившись в раздумья.

Тренировочная программа Ле Цзявэнь была составлена индивидуально, поэтому он, скорее всего, был занят и не имел для него времени.

По правде говоря, с тех пор, как Ле Цзявэнь впервые был отправлен в военный лагерь своим дядей, Фан Синиан наблюдал, как он становился все более занятым и способным.

Оглядываясь на последние Шестнадцать лет, казалось, что он не сделал для Ле Цзявэнь ничего особенного, потому что Ле Цзявэнь никогда не нуждался в нем.

Его единственная ценность, возможно, заключалась в том, что Ле Цзявэнь его любил, и он давал ему эмоциональное утешение.

Его легко было заменить.

Фан Синиан мрачно думал.

На тренировочном поле стажеры-медики все еще выполняли упражнения. Наблюдая за ними, Фан Синиан не мог не сравнивать их движения с движениями Ле Цзявэнь, которые всегда были более точными и сильными.

Это раздражало.

Фан Синиан встал, намереваясь найти более тихое и уединенное место, но случайно столкнулся с худощавым мужчиной с повязками на животе.

Мужчина поморщился от боли, когда его рана была задета.

Фан Синиан не задержался ни на секунду и повернулся, чтобы уйти.

Но мужчина окликнул его: «Эй, новобранец! Не мог бы ты мне помочь?»

Фан Синиан не обернулся. «А у меня есть выбор?»

Мужчина мягко улыбнулся. «Нет. Если ты откажешься, я поговорю с твоим начальником. В лучшем случае тебя отругают, в худшем — твое имя будет публично раскритиковано в качестве предупреждения на тренировочной площадке».

Фан Синиан цыкнул языком.

С каких пор помощь кому-то стала наказуемой?

«Тогда сделай мне одолжение и отведи меня в лазарет», — сказал мужчина деловым тоном.

С неохотой Фан Синиан помог ему добраться до лазарета.

«Подожди. Разве твоя дневная тренировка не закончилась? Как насчет поболтать со мной? Давно не было нормального разговора», — сказал мужчина, устраиваясь на кровати и щелкая пальцами, чтобы закрыть дверь медпункта, перекрыв Фан Синиану выход.

Не имея возможности незаметно ускользнуть, Фан Синиан сдался и сел на соседний стул, сказав: «Я тебя не знаю. Мне нечего тебе сказать».

«Правда?» — мужчина отмахнулся. «Тогда позволь мне рассказать тебе свою историю».

Лицо Фан Синиана омрачилось. «Не хочу слушать».

Мужчина: «Жаль — вот она».

Фан Синиан: «...»

Мужчина: «Но это останется, между нами. Моя личность по-прежнему засекречена».

Фан Синиан: «Тогда не говорите мне. Я не могу этого гарантировать».

Мужчина тихонько хмыкнул. «Но я слишком долго это скрывал. Я шпион — империи, а не Федерации. На этот раз Федерация поручила мне миссию в Империи. Какая удача — я получил билет домой».

Фан Синиан изучил беззаботную улыбку мужчины и сказал: «Вы не должны раскрывать свою тайную личность никому».

«Не должен?» Мужчина не обратил на это внимания. «Но моя личность все равно скоро станет достоянием общественности».

Фан Синиан не понял слов мужчины, а тот, похоже, не хотел на этом заикливаться. «Пора рассказать мою историю. Я никогда не планировал становиться тайным агентом — должен был остаться на своей удобной офисной работе, без угрозы для жизни. Но местонахождение моего партнера по боевым действиям, который добился многих заслуг, было раскрыто шпионом Федерации, и он был убит агентами Федерации во время нашего редкого совместного отпуска. Когда я вернулся с его любимым десертом, он уже лежал на земле, тело еще теплое».

Лицо мужчины было странно спокойным, губы были слегка приподняты в призрачной улыбке. «С того момента я подал заявку, чтобы стать тайным агентом. Но поскольку я был родственником жертвы, они не доверяли мне и неоднократно отклоняли мою заявку. Наконец, после смены сотрудника, рассматривающего заявки, — человека, не знавшего о моем прошлом, — моя заявка была одобрена после оценки представленных мной материалов. Так я стал тайным агентом».

Фан Синиан не знал, что сказать. Он не умел утешать людей, да и мужчина, похоже, в этом не нуждался.

Но вдруг он подумал о Ле Цзявэнь.

Столкнется ли Ле Цзявэнь с такими же опасностями после окончания учебного лагеря?

Внезапно из двери лазарета раздался предупреждающий сигнал. Мужчина слегка усмехнулся. «Ах, поймали. Остальную часть истории придется отложить до нашей следующей встречи».

«До скорого, парень».

<http://bllate.org/book/14708/1314250>